

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-9.15>

Медведев Николай Владимирович

О КУЛЬТУРНОМ РЕЛЯТИВИЗМЕ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА: PRO ET CONTRA

Статья посвящена анализу рассуждений Л. Витгенштейна на предмет их соответствия позиции культурного релятивизма. Рассматриваются некоторые аспекты философии языка Витгенштейна, стимулирующие появление релятивистских прочтений его текстов. Автор доказывает, что эпистемический контекстуализм Витгенштейна не следует отождествлять с релятивистским принципом и интерпретировать воззрения философа в терминах релятивизма. В представленном исследовании идеи Витгенштейна обсуждаются применительно к проблеме межкультурной коммуникации. Австрийский философ четко осознает нашу зависимость от определенной традиции рациональности и картины мира, он принимает во внимание факт изменчивости языковых игр и мировоззрений во времени. Вместе с тем Витгенштейн признает наличие всеобщих предпосылок для доступа к различным культурам в виде схожих моделей человеческого поведения, что выводит его позицию за пределы принципа культурного релятивизма.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/9/15.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 9(95) С. 71-75. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

INFORMATION RISKS IN POST-INDUSTRIAL SOCIETY

Kuz'min Vasilii Valer'evich
Mari State University, Yoshkar-Ola
V_kuzmin_94@mail.ru

The article analyzes the problems of global information space functioning in post-industrial society. The objective of the work is to identify information risks and study their specificity in post-industrial society, to analyze the ambivalence of information environment, its negative impact on the human personality. The author's assessment of the types of information risk is presented. The paper concludes that the Internet and other innovative technologies make it possible to use a variety of means to demonstrate one's own civic position, but at the same time, the Internet levels the personality and destroys the traditional value system.

Key words and phrases: post-industrial society; information society; information and communication technologies; information risks; global network.

УДК 1(091)

Дата поступления рукописи: 04.08.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-9.15>

Статья посвящена анализу рассуждений Л. Витгенштейна на предмет их соответствия позиции культурного релятивизма. Рассматриваются некоторые аспекты философии языка Витгенштейна, стимулирующие появление релятивистских прочтений его текстов. Автор доказывает, что эпистемический контекстуализм Витгенштейна не следует отождествлять с релятивистским принципом и интерпретировать воззрения философа в терминах релятивизма. В представленном исследовании идеи Витгенштейна обсуждаются применительно к проблеме межкультурной коммуникации. Австрийский философ четко осознает нашу зависимость от определенной традиции рациональности и картины мира, он принимает во внимание факт изменчивости языковых игр и мировоззрений во времени. Вместе с тем Витгенштейн признает наличие всеобщих предпосылок для доступа к различным культурам в виде схожих моделей человеческого поведения, что выводит его позицию за пределы принципа культурного релятивизма.

Ключевые слова и фразы: культурный релятивизм; контекстуализм; языковая игра; форма жизни; слияние горизонтов; картина мира.

Медведев Николай Владимирович, д. филос. н., профессор
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
mnv88@mail.ru

О КУЛЬТУРНОМ РЕЛЯТИВИЗМЕ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА: PRO ET CONTRA

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-33-00048, проект «Проблема понимания иных культур: философско-методологический анализ».

Имя современного австрийского мыслителя Людвиг Витгенштейна нередко упоминается в дискуссиях о релятивизме. Разработанный им проект лингвистической философии в настоящее время воспринимается как важный источник формирования релятивистской программы, широко распространившейся во второй половине XX века в антропологических исследованиях. Однако понятие «релятивизм» амбивалентно по своему значению, и оно с трудом вписывается в четко очерченные концептуальные границы, что осложняет нашу задачу адекватной интерпретации основополагающих философско-методологических воззрений Витгенштейна. Релятивизм как философский принцип подчеркивает «примат связи объектов перед их субстанциальными свойствами, приоритет целостности, системности реальности перед ее отдельными частями, развития – перед сохранением» [3]. При идентификации феномена релятивизма могут быть использованы разные подходы и исследовательские стратегии, что, в свою очередь, порождает несхожие, порой накладывающиеся друг на друга формы релятивизма: моральный, когнитивный, онтологический, концептуальный, культурный, семантический и др. [5, с. 41]. Конкретный философ может считаться релятивистом в одном понимании этого слова, но при этом вовсе не быть таковым в другом. Скажем, философ может поддерживать релятивистский принцип в области морали, однако не признавать или полностью отвергать так называемый когнитивный релятивизм.

Приведенные выше рассуждения указывают на то, что, прежде чем ответить на вопрос «Является ли Витгенштейн культурным релятивистом?», необходимо прояснить содержательный аспект феномена релятивизма. Термин «релятивизм», взятый в наиболее радикальном значении, обычно рассматривается как принцип, согласно которому любые мнения по определенному вопросу являются одинаково значимыми; иначе говоря, релятивизм признает равноправными любые мнения людей. По словам Р. Рорти, термин «релятивизм» принято понимать в трех различных значениях: «Первое – это мнение, что каждая вера так же хороша, как и любая

другая. Второе – это мнение, что “истина” является двусмысленным термином, имеющим столько значений, сколько существует процедур обоснования. Третья – это мнение, что нет ничего, что можно было бы сказать ни об истине, ни о рациональности, кроме описаний знакомых процедур обоснования, которые данное общество – *наше* – применяет в той или иной сфере исследования» [9, р. 23]. Случаи проявления типичного или «аутентичного» релятивизма, бесспорно, вызывают у нас чувство недоумения, поскольку уже со времен платоновского *Тезета* вышеупомянутый принцип считается самопроверяющим [6, с. 215-227]. Поэтому можно полагать вполне оправданной позицию тех, кто отвергает принцип релятивизма, ассоциирующийся нами, как правило, со знаменитой формулой Протагора: «что каким каждому что-то представляется, таково оно и есть». С точки зрения другого, менее радикального подхода релятивизм рассматривается как принцип, согласно которому ценности, истина или знания признаются как относительные сами по себе; они непосредственно зависят от определенного фактора: культуры, парадигмы, концептуальной схемы или индивидуальной системы убеждений. Видимо, это и есть более приемлемая версия релятивизма, но она, к сожалению, выглядит дезориентирующей, так как посредством акцентирования фактора ситуационной зависимости релятивизм тесно смыкается с контекстуализмом (или ситуационизмом). Однако указанное отождествление, на наш взгляд, является неприемлемым: из факта контекстуальной обусловленности значения отдельных философских категорий логически не вытекает вывод о правомерности релятивистского принципа. В соответствии с контекстуальной теорией обоснования мы, например, оправдываем наши познавательные утверждения и принимаем как должное определенный набор базисных высказываний, которые могут изменяться под влиянием конкретного фактора. Как результат в разнообразных культурных или познавательных контекстах используемые наши практики аргументации могут привести к разным заключениям. Вместе с тем проponent контекстуального подхода имеет право свободно критиковать и опровергать конкурирующие мнения. Сама по себе идея контекстуальной обусловленности оказывается явно недостаточной для точного определения границ релятивизма, поскольку принцип релятивизма, как предполагает принятое употребление данного слова, включает в себя, прежде всего, установку на *вседозволенность* в отношении конфликтующих и взаимно исключающих мировоззренческих перспектив или систем убеждений. Так, согласно релятивистскому «постулату эквивалентности» Б. Бранса и Д. Блура, «все мнения стоят друг друга с точки зрения оснований для доверия к ним» [7, р. 23]. Поэтому разумно определять релятивизм как принцип, сочетающий в себе контекстуальную зависимость с подходом, ориентированным на допустимость любого мнения.

Поскольку эпистемологический контекстуализм Витгенштейна вовсе не направлен на реализацию установки на *вседозволенность*, с которой обычно связывается релятивизм, мы постараемся обосновать возможность снять с австрийского мыслителя обвинение в защите релятивизма. Представленный ниже анализ сосредоточен на рассуждениях Витгенштейна, обращенных к проблеме межкультурной коммуникации. Особое внимание в статье уделяется специфической версии релятивизма, так называемому культурному релятивизму, т.е. принципу, в соответствии с которым нельзя оценивать и критиковать ценностные установки, поведение и основополагающие убеждения людей, принадлежащих к иной культуре, с позиции нашей собственной культуры. Мнения, действия и ценности людей можно правильно понять только изнутри, т.е. по критериям той культуры, которую они представляют.

Не секрет, что в текстах Витгенштейна присутствуют отдельные высказывания, которые непосредственно подводят нас к принятию релятивистской позиции. Философия языка позднего Витгенштейна основывается на двух фундаментальных допущениях. С одной стороны, критикуя традиционное представление о языке как инструменте для именования вещей, он обосновывает тезис – значение слов постигается в их употреблении. С другой стороны, Витгенштейн подчеркивает, что смысл предложений можно постичь только в рамках *не-языковой* деятельности, в которую они вплетены. Австрийский философ обстоятельно разрабатывает ключевое понятие «языковая игра» для акцентирования внутренней взаимосвязи между языковой и неязыковой деятельностью: «Термин “языковая игра” призван подчеркнуть, что *говорить на языке* – компонент деятельности или форма жизни» [2, с. 90]. В свою очередь, форма жизни может быть описана как совокупность практик, институтов и обычаев, которые формируют пространство повседневной жизни. Понятие языковой игры, видимо, можно истолковать в терминах релятивизма, учитывая тот факт, что практические и культурные контексты, в которые неизбежно встраивается язык, довольно значительно варьируются. При этом невозможно занять позицию внешнего наблюдателя по отношению к многообразным языковым играм и формам жизни для их объективного описания и оценки. Именно такое понимание витгенштейновской модели языка как «монадологии языковых игр» предложил Ю. Хабермас [8, р. 143], который утверждает, что каждая языковая игра регулируется собственными стандартами или правилами.

Другой аспект философии языка Витгенштейна, способствующий возникновению релятивистских интерпретаций, – это тезис о произвольности грамматики. Грамматика, в понимании Витгенштейна, есть набор правил, которые регулируют употребление языковых выражений и определяют границы смысла, воздействуя в итоге на наше описание и восприятие мира. Витгенштейн доказывает, что грамматика произвольна потому, что, с одной стороны, разные грамматики характеризуются наличием разнообразных концептуальных средств и альтернативными формами репрезентации реальности. С другой стороны, логически невозможно провести сопоставление грамматических структур с неязыковой действительностью. Любая попытка осуществить такое сопоставление должна предполагать использование определенного языка. Вместо того чтобы быть просто зеркалом внутренней структуры мира, язык вносит решающий вклад в построение

объектов нашего опыта: «Сущность ярко выражается в грамматике» [2, с. 200], «О том, какого рода объектом является нечто, дает знать грамматика» [Там же].

В равной степени созвучными теме релятивизма являются размышления Витгенштейна о «следовании правилу». При помощи данного понятия он раскрывает социальное, прагматическое измерение процессов речевой деятельности, регулируемых правилами. Одним из основных итогов витгенштейновских размышлений является положение: правила не располагаются за пределами воплощаемых через них практик. Для того чтобы подчиниться правилу, необходимо овладевать соответствующим видом деятельности в процессе социального обучения. Поскольку говорение на языке есть деятельность, регулируемая правилами, постольку всякий индивид, желающий понять представителей другой культуры или языкового сообщества, должен осваивать лежащие в основе их языкового поведения практики. Иными словами, понимание представителей другой культуры предполагает согласие с их формой жизни [Там же, с. 190]. С этой точки зрения отсутствие общих видов деятельности между различными сообществами ставит под угрозу перспективу межкультурной коммуникации и, следовательно, саму возможность критического осмысления иных мировоззрений. Подобные сбои в процессе коммуникации объясняют появление релятивистской версии прочтения витгенштейновских текстов.

Кроме того, в эпистемических размышлениях Витгенштейна можно обнаружить отдельные фрагменты, которые, на первый взгляд, свидетельствуют о его приверженности релятивизму. Так, в работе «О достоверности» в контексте тщательного анализа фундаментальных несомненностей, поддерживающих наши разнообразные практики и повседневный образ жизни, Витгенштейн указывает на то, что эти достоверности конституируют специфическую картину мира или даже своего рода мифологии [1, с. 335]. Употребление термина «мифология» отражает тот факт, что наша картина мира не может быть обоснована или подтверждена посредством доказательства; она есть то, что делает возможным всякое оправдание или доказательство: «Но я обрел свою картину мира не путем подтверждений ее правильности, и придерживаюсь этой картины я тоже не потому, что убедился в ее корректности. Вовсе нет: это унаследованный опыт, отталкиваясь от которого я различаю истинное и ложное» [Там же]. Необходимо отметить, что, согласно Витгенштейну, окончательным оправданием основополагающей функции ряда высказываний и мнений является не когнитивный процесс или скрытый ментальный механизм, а их внутренняя связь с нашими практиками. Иначе говоря, не вызывающие сомнения предложения (так называемые утверждения «здорового смысла») представляют нашу форму жизни, которая определяет, что следует принимать за должное или правильное. Как говорит Витгенштейн: «Однако обоснование... приходит к какому-то концу; но этот конец... в нашем действии, которое лежит в основе языковой игры» [Там же, с. 348]. Выявив эпистемическую функцию картин мира и форм жизни как необходимый базис для осуществления нами когнитивных процессов, а также обращая внимание на невозможность редуцировать разнообразные модели мира и формы жизни, Витгенштейн тем самым «открывал дверь релятивизму» [10, р. 320].

Таким образом, выше были выделены наиболее характерные признаки проявления феномена релятивизма в работах Витгенштейна. Далее мы постараемся доказать, что релятивистский импульс, обнаруживаемый в идеях Витгенштейна, является мнимым: это есть всего лишь выражение эпистемического контекстуализма австрийского философа, который не следует смешивать с принципом культурного релятивизма. Прежде всего, необходимо заметить, что, согласно Витгенштейну, межкультурная коммуникация может быть обеспечена даже в случаях, когда участники диалога принадлежат к совершенно разным культурам. Языки обязаны своей понятностью тем практикам, в которые они вплетены. Эти практики могут значительно варьироваться при переходе от одной культуры к другой, но люди обладают всеобщей биологической природой, и это образует основу их социальной деятельности или разнообразного культурного поведения. Поэтому разумно предположить, что наличие универсалий в человеческом поведении делает возможным понимание людьми друг друга: «Совместное поведение людей – вот та референтная система, с помощью которой мы интерпретируем неизвестный нам язык» [2, с. 164]. В самом деле, на уровне межкультурного общения мы можем полагаться на разделяемые нами или схожие практики в качестве основы кросс-культурного диалога. Когда практики, которые мы стремимся понять, выглядят слишком удаленными по отношению к нашей культуре, мы можем попытаться освоить их в процессе социального обучения. Безусловно, межкультурная коммуникация могла бы столкнуться с непреодолимыми препятствиями в случае отсутствия у разных народов общих предпосылок их деятельности. Однако в свете предыдущих рассуждений можно предположить, что первоначальные трудности в процессе межкультурного диалога постепенно будут преодолены. Поэтому люди способны не только понимать иные культуры, но также критиковать, отличать их друг от друга и оценивать. Для обоснования этой мысли обратимся к некоторым заметкам Витгенштейна из его работы «О достоверности», где он говорит о том, что будет *сражаться* с людьми, которые предпочитают оракула физике: «609. <...> Ошибочно ли то, что они советуются с оракулом и следуют ему? Называя это “неправильным”, не выходим ли мы уже за пределы нашей языковой игры, *атакуя* их? <...> 612. Я сказал, что стал бы “сражаться” с другим, – но разве я отказался бы приводить ему *основания*? Вовсе нет: насколько же далеко они простираются? В конце оснований стоит убеждение» [1, с. 397].

Поначалу может показаться, что приведенный выше фрагмент свидетельствует о приверженности Витгенштейна релятивизму, поскольку в нем говорится о неспособности представителей кардинально различающихся культур преодолеть свои расхождения и достичь согласия на общих основаниях. Однако здесь витгенштейновскую метафору *сражения* следует рассматривать как несовместимую с установкой на вседозволенность, с которой обычно связывают релятивистскую позицию. К тому же понятие *культурного сражения* не исключает возможность приведения рациональных доводов. Витгенштейн вовсе не заявляет о бесплодности

предоставления любых разумных оснований в случае глубоких культурных противоречий, он лишь говорит, что в таких случаях сила рациональных аргументов становится ограниченной и мы, в конце концов, вынуждены будем прибегнуть к убеждениям. Необходимо подчеркнуть, что, в противоположность релятивистскому подходу, Витгенштейн не мирится с фактом многообразия мнений и культур. В той же работе «О достоверности» содержится отрывок, где Витгенштейн упоминает людей, полагающих, в противоположность науке своего времени, что возможно попасть на Луну, и отсюда он делает следующий вывод: «Если сравнивать нашу и их систему знаний, то их система окажется куда более бедной» [Там же, с. 356]. Это вновь указывает на его далеко не релятивистский подход к проблеме диалога культур.

Ключом к постижению позиции Витгенштейна по культурному релятивизму может служить его контекстуалистский подход к познанию и обоснованию, развиваемый им в поздних работах. Наряду с фундаменталистскими концепциями обоснования знания, контекстуализм допускает существование основополагающих мнений, верований в общепринятой картине мира. Однако, в отличие от фундаменталистских теорий познания, Витгенштейн не рассматривает такие верования как непосредственно обоснованные или самоочевидные: «На дне обоснованной веры лежит необоснованная вера» [Там же, с. 353]. То, что основополагающие верования являются жизненно необходимыми предпосылками для осуществления наших языковых игр и проведения научных исследований, дает им особый привилегированный статус. Цепь причин и оправданий должна подойти к концу, но основа нашего знания не является когнитивной (теоретически оправданной): это наша форма жизни, наша версия социальной адаптации, наше обучение, различные виды деятельности. Таким образом, в противоположность традиционному фундаментализму Витгенштейн утверждает о том, что основополагающая вера, совпадающая с достоверным знанием, способна варьироваться от контекста к контексту.

Несмотря на признание зависимости стандартов обоснованной веры от контекста, контекстуалист вовсе не обречен на принятие позиции релятивизма, потому что ему ничто не мешает критиковать конкурирующие системы убеждений и даже некоторые аспекты его собственной картины мира. Принятые стандарты оправдания картины мира можно оспаривать, подвергать критике как изнутри, так и извне. В любом контексте наша критическая рефлексия обязательно признает как само собой разумеющееся некоторые предложения, служащие предпосылками для проведения нами исследований, которые, в принципе, не защищены от процедур сомнения или опровержения. Утверждение, что оправдание зависит от контекста, не влечет за собой автоматически принятие позиции релятивизма, оно лишь подразумевает, что оправдание есть поступательный, открытый процесс, всегда обусловленный рядом допущений. Отсюда можно сделать вывод, что контекстуализм нельзя смешивать и тем более отождествлять с релятивизмом.

В заключение хотелось бы провести параллели между позициями Гадамера и Витгенштейна, поскольку теорию понимания Гадамера, ассоциирующуюся в нашем сознании через понятие «слияние горизонтов» [4, с. 92], можно оценить как антидот против принципа культурного релятивизма. В самом деле, в соответствии с установкой эпистемического контекстуализма Гадамер утверждает невозможность выхода за пределы нашего собственного культурного горизонта или унаследованной традиции рациональности. Но вместо того, чтобы уступить релятивизму, он описывает кросс-культурную коммуникацию как диалогический поиск истины, который может привести к исправлению предрассудков, изменению и расширению горизонтов. И, хотя в текстах Витгенштейна не встречается понятие «слияние горизонтов», однако оно может быть легко интегрировано в его способ мышления. Витгенштейн четко осознает нашу зависимость от конкретной традиции рациональности или картины мира, а также принимает во внимание тот факт, что языковые игры и картины мира находятся в непрерывном развитии и изменяются во времени. Вместе с тем Витгенштейн утверждает о наличии всеобщих предпосылок для получения доступа к различным культурам в виде схожих моделей человеческого поведения, что выводит его позицию за пределы принципа культурного релятивизма. В результате дополненное гадамеровским понятием «слияние горизонтов» витгенштейновское обоснование возможных условий кросс-культурной коммуникации становится более убедительным.

Список источников

1. **Витгенштейн Л.** О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы: в 2-х ч. / пер. с нем. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 323-405.
2. **Витгенштейн Л.** Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы: в 2-х ч. / пер. с нем. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 75-319.
3. **Касавин И. Т.** Релятивизм [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Мысль, 2010. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASHa663349863a536e9ccbca6> (дата обращения: 29.06.2018).
4. **Медведев Н. В.** Герменевтическое понятие истины // Философские традиции и современность. 2013. № 1 (3). С. 89-95.
5. **Нинилуото И.** Критические замечания о когнитивном релятивизме // Вопросы философии. 2015. № 1. С. 40-44.
6. **Платон.** Тезет // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 192-274.
7. **Barnes B., Bloor D.** Relativism, Rationalism, and the Sociology of Knowledge // Rationality and Relativism / ed. by M. Hollis and S. Lukes. Oxford: Basil Blackwell, 1982. P. 21-47.
8. **Habermas J.** On the logic of the social sciences. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1988. 220 p.
9. **Rorty R.** Solidarity or Objectivity? // Objectivity, Relativism, and Truth. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 21-34.
10. **Silva R.** Wittgenstein and the Problem of Cultural Relativism // Cultures: Conflict – Analysis – Dialogue. Papers of the 29th International Wittgenstein Symposium (August 6-12, 2006). Kirchberg am Wechsel, 2006. Vol. XIV. P. 319-321.

ON L. WITGENSTEIN'S CULTURAL RELATIVISM: PRO ET CONTRA

Medvedev Nikolai Vladimirovich, Doctor in Philosophy, Professor
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
mnv88@mail.ru

The article is devoted to the analysis of L. Wittgenstein's arguments for their compliance with the position of cultural relativism. Some aspects of Wittgenstein's philosophy stimulating the emergence of the relativistic readings of his texts are considered. The author proves that Wittgenstein's epistemic contextualism should not be identified with the relativistic principle and the philosopher's views should not be interpreted in terms of relativism. In the present study, Wittgenstein's ideas are discussed in relation to the problem of intercultural communication. The Austrian philosopher is clearly aware of our dependence on a certain tradition of rationality and worldview; he takes into account the fact of the variability of language games and world outlooks over time. Wittgenstein, however, recognizes that there are universal prerequisites for the access to different cultures in the form of the similar patterns of human behaviour, which places his position beyond the principle of cultural relativism.

Key words and phrases: cultural relativism; contextualism; language game; form of life; fusion of horizons; worldview.

УДК 111.6

Дата поступления рукописи: 17.07.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-9.16>

Феномен научно-биографического текста на сегодняшний день переживает существенные онто-культурные трансформации, за которыми следует возможность герменевтической интерпретации жизнеописания деятеля науки. Такое осмысление особенностей научной биографии обуславливает раскрытие нескольких факторов или условий процесса ее создания, становящихся особенно заметными и влиятельными в настоящее время. Их анализ актуализирует историко-герменевтический контекст статьи и обращает исследовательское внимание на междисциплинарный характер предметной области. Выявленные условия доказывают, что современная научная биография может трактоваться в качестве особого онто-культурного пространства, закономерности которого меняются с течением времени.

Ключевые слова и фразы: научная биография; текст и текстуальность; онто-культурный континуум; историко-герменевтические условия; биографический метод; биографическая реконструкция; детальность и психологизм; адресность и реципиентность; историчность.

Николаева Анастасия Борисовна, к.и.н.

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского
ms.lettres@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ИСТОРИКО-ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ТЕКСТА НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ КАК ОНТО-КУЛЬТУРНОГО КОНТИНУУМА

Процесс создания современной научной биографии отличается высокой степенью методологической междисциплинарности: жизнеописание деятеля науки на сегодняшний день претерпевает существенные трансформации. Так, меняются стиль повествования, особенности реконструкции фактов, повышается степень психологизма и философской интерпретации отдельных событий жизни и деятельности ученого. Все это отражается в особенностях текста научной биографии, который создается под влиянием нескольких, взаимосвязанных между собой факторов историко-герменевтического характера. Этот характер доказывается темпоральностью научно-биографического жанра и возможностью интерпретации (понимания, толкования) содержания текста жизнеописания. Кроме того, рассматриваемые условия или факторы связаны с семиотической гранью гуманитаристики и с психологической стороной рефлексивного опыта, поскольку научная биография актуализирует проблему субъектности и текстуальности. Следовательно, основные факторы конструирования научно-биографического текста интердисциплинарны – как и сам процесс создания жизнеописания отдельного ученого, которое в настоящее время становится особым онто-культурным пространством, заключающим в себе проблему деятельности, феномен субъекта, вопрос нарративизации повествования и иные методологические аспекты философской, психологической, исторической, социологической сфер.

Основополагающим фактором конструирования научной биографии становится биографический метод, на основе и при постоянном применении которого запускается весь процесс создания и дальнейшей динамики текстуального пространства жизнеописания. Любые биографические и научно-биографические издания представляют собой итог действия этого условия, способствующего развертыванию общей линии узнавания субъект-объектных отношений в континууме истории культуры. Можно сказать, что биографический метод отличается универсальностью – его применяют не только в создании жизнеописания, но и в исследовании текста. Обращаясь к его частному варианту, т.е. исследовательскому воссозданию текстуальности жизнеописания, необходимо наблюдать главную особенность этого метода: он направлен на многоаспектный анализ